

<https://doi.org/10.22363/2687-0088-50096>

EDN: DBSLUX

Рецензия на книгу: Perlin, Ross. 2024. *Language City: The Fight to Preserve Endangered Mother Tongues in New York*. First edn. New York, NY: Atlantic Monthly Press

Юлия Викторовна МАЗУРОВА

Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

 mazurova.julia@iling-ran.ru

Книга Росса Перлина с первых страниц подкупает искренностью автора, поскольку она представляет собой не набор статистических данных и не отчет ученого: это честный рассказ жителя Нью-Йорка о жизни обычных людей и их языков — со всеми трудностями, которые сопровождают существование человека с миграционной историей в огромном мегаполисе. Росс Перлин взял на себя практически неосуществимую задачу — описать языковое разнообразие Нью-Йорка — и блестяще с ней справился. Нью-Йорк за свою историю стал домом для миллионов трудовых, политических и религиозных мигрантов, беженцев, людей, обращенных в рабство, искателей приключений и лучшей доли со всех континентов и самых отдаленных уголков Земли. Этот город в отношении языкового разнообразия выделяется даже на фоне пестрой истории США — страны, которая и основана была переселенцами из Старого Света.

Что же позволило автору решиться на столь грандиозную задачу, как описание языковой ситуации чуть ли не самого многоязычного города в истории человечества, где проживают носители почти семисот языков, то есть представлена примерно десятая часть всех языков планеты? Росс Перлин — не отстраненный наблюдатель, а активный участник нью-йоркских языковых процессов: уже более 10 лет он является содиректором уникальной организации — Альянса защиты исчезающих языков (Endangered Language Alliance, ELA <https://www.elalliance.org/>), некоммерческой организации, основанной в 2010 г. Дэниэлом Кауфманом для документации языков меньшинств и поддержки их носителей, проживающих в Нью-Йорке. Хотя эта организация

© Ю.В. Мазурова, 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

тесно связана с университетской наукой, ее главной целью является не научное изучение языков, а ответ на потребности языковых сообществ и отдельных носителей. ELA связывает в единую сеть сотни очень разных людей, объединенных интересом к своим языкам и языкам соседей, совместными усилиями они стараются сделать так, чтобы мегаполис стал «парником, а не могилой» для бытующих в нем языков.

В предисловии автор делится своей личной языковой историей — каким образом он, моноязычный носитель американского английского, родившийся и выросший в Нью-Йорке, заинтересовался языковым разнообразием родного города.

В Части I, «Тысяча естественных экспериментов», автор рассказывает об истории ELA, о деятельности этой организации и многоязычии ее сотрудников. Он обращает внимание читателя на языки, которые не имеют никакого статуса, не преподаются в школе, у многих из них нет даже словарей и грамматических описаний. Однако с лингвистической точки зрения любой из этих языков обладает потенциалом выразить все те же смыслы, что и любой из так называемых «языков-убийц» — высокостатусных языков, вытесняющих менее престижные и «выгодные» с точки зрения экономических возможностей малые языки. Каждый из этих идиомов является вместилищем исторической и культурной памяти какого-то народа, существенным для самоидентификации его носителей. Увы, прогнозы лингвистов довольно пессимистичны: языки исчезают очень быстро, и в обозримом будущем мы можем лишиться половины имеющегося языкового разнообразия, ведь всего 4% населения Земли говорит на 96 % языков, тогда как большая часть планеты общается на одном из крупных мировых языков (Crystal 2000).

Таким образом, ситуация, зафиксированная и задокументированная сейчас — языковое гиперразнообразие Нью-Йорка, уже никогда не повторится, ведь в городской среде языки исчезают еще быстрее (Vertovec 2007, Blommaert & Ben Rampton 2015). Чтобы хоть как-то приблизиться к реальной языковой ситуации, которая игнорируется официальными переписями населения, организация ELA ведет свою неформальную перепись и отмечает на карте районы Нью-Йорка, связанные с тем или иным языковым сообществом — рестораны, храмы, этнические центры и др. (ENA, May 10, 2026)¹. По подсчетам ELA, из порядка семи сотен языков, представленных в мегаполисе, около 40 % составляют языки Азии, около 25 % — языки Африки, меньше 20 % — языки Европы и обеих Америк и небольшой процент — Океании и Тихоокеанского региона.

Несмотря на то, что основу книги составляют личные языковые истории, автор дает для них достаточно масштабный исторический контекст. Частные явления и отдельные факты, которые автор берет из своего опыта общения с носителями разных языков, встраиваются в общий социолингвистический

¹ URL: www.languagemap.nyc

портрет города. Росс Перлин последовательно рассматривает прошлое, настоящее и будущее языков Нью-Йорка.

Часть II, «Прошлое», рассматривает Нью-Йорк в четырех аспектах, раскрываемых в четырех очерках: как город-порт для национальных меньшинств, как город выживших, как город коренного населения Америки и как глобальный микрокосм.

Нью-Йорк возник как многоязычный порт и миграционный хаб, где с самого начала сосуществовали европейцы, индейские племена, религиозные беженцы, рабы и многочисленные иммигрантские сообщества. Языковые меньшинства изначально определяли социальную, экономическую и культурную жизнь города. Голландское поселение Новый Амстердам, основанное в 1624 г., стало плавильным котлом для людей разных национальностей и языков. Голландский язык выполнял роль языка межнационального общения, однако наряду с ним использовались ленапе, африканские языки, португальский или португальский креол, немецкие диалекты, французский и другие европейские языки. После завоевания города англичанами и переименования в Нью-Йорк в 1664 г. начался длительный переход к доминированию английского языка. Особый «нью-йоркский» английский сформировался как результат контакта разных языков, диалектов и социальных групп. Автор рассматривает массовые миграции XIX в., когда в порт Нью-Йорка прибыли большие группы ирландцев, немцев, галисийцев, бретонцев, носителей итальянских диалектов и др. (Rosenwaïke 1972), и приходит к выводу, что Нью-Йорк формировался как город не просто иммигрантов, но именно языковых меньшинств, которые искали там убежища. Новоприбывшие расселялись в городе по языковому принципу, получая от своих земляков поддержку и возможность постепенно освоиться на новом месте. Однако при этом не формировалось закрытых моноэтнических анклавов: к началу XX в. типичный квартал Нью-Йорка мог включать как уже родившихся в США, так и многочисленных иммигрантов из европейских стран и Канады.

В XX в. Нью-Йорк стал «последним прибежищем» для представителей сообществ, переживших геноцид, этнические конфликты, депортации, рабство, насилие, изгнание и политические катастрофы. Разные языковые группы — армяне, понтийские греки, черкесы, калмыки, крымские татары, сефарды, рома, афроамериканцы, носители карибских креольских диалектов и многие другие, выжившие после катастроф в своих странах, строили заново жизнь в Нью-Йорке, принося в город свои языки, культуру и память о травмирующих событиях. Автор подчеркивает, что разные сообщества не существовали изолированно, но постоянно контактировали и влияли друг на друга. При этом сохранение языка рассматривалось как один из важнейших признаков выживания сообщества.

Под заголовком «Коренной мегаполис» рассматривается история коренных народов Америки, языки которых с точки зрения витальности находятся в еще более уязвимом состоянии, нежели языки пришельцев с других

континентов. Тем не менее в Нью-Йорке представлены как североамериканские сообщества коренных народов, так и аборигенные народы Карибского бассейна, Мексики, Гватемалы, Эквадора и других регионов Латинской Америки. После вытеснения ленапе за пределы города история присутствия коренных народов в нем долгое время оставалась скрытой и неопианной. Однако сейчас наметился подъем движения за возрождение культуры и языков коренных народов: в книге приводятся примеры некоторых сообществ и организаций, занимающихся этими вопросами.

Заключительный очерк второй части, «Глобальный микрокосм», рисует картину Нью-Йорка как города, максимально отражающего мировое языковое разнообразие, сформированное многочисленными волнами миграции. Нью-Йорк рассматривается как глобальная языковая модель, в которой сосуществуют языки Европы, Азии, Ближнего Востока, Карибского бассейна и Африки: примерно половина жителей Нью-Йорка разговаривает дома на языке, отличном от английского.

Значительная часть книги посвящена влиянию миграционного законодательства США на языковую ситуацию. Автор показывает, что законы 1882, 1917, 1921 и особенно 1924 г. резко ограничили иммиграцию, прежде всего из Азии и Южной и Восточной Европы. Это привело к тому, что Нью-Йорк из города первого поколения мигрантов постепенно стал городом второго и третьего поколения, а многие языки и культуры начали слабеть без постоянного притока новых носителей. В противоположность этому закон 1965 г. снова открыл США для масштабной иммиграции, после чего Нью-Йорк еще более глобализовался: если раньше город был прежде всего европейским многоязычным центром, где были представлены практически все европейские языки и диалекты, то после 1965 г. он стал также азиатским, латиноамериканским, карибским, ближневосточным, южноазиатским и африканским языковым пространством.

Автор последовательно описывает разные языковые зоны города, в частности китайское, корейское, японское, филиппинское сообщества, сообщества носителей тюркских и иранских языков, арабских диалектов, выходцев из Южной Азии, носителей креольских языков на английской основе и многочисленных африканских. Эти сообщества не являются однородными с языковой точки зрения — внутри каждого есть своя диалектная, социальная и функциональная структура. Никакие группы при этом не имеют большинства: даже в этнических кварталах доля «основного» этноса едва ли достигает 15 %, обычно это 5–10 % от общего числа жителей. Нью-Йорк может быть домом для всех, поскольку, по сути, он не является родным домом ни для кого. Таким образом, Нью-Йорк действительно можно рассматривать как глобальный микрокосм, но не в упрощенном туристическом смысле. Это не просто набор «этнических кварталов», а сложная система многоязычных миров, где языки ценятся или, наоборот, презируются, сохраняются, смешиваются,

взаимодействуют между собой, вытесняются, получают новую видимость или исчезают.

Присутствие в Нью-Йорке непропорционального количества языковых меньшинств, часто переживших травматический опыт этнических и других конфликтов в своей стране, сформировало политическую, культурную и экономическую способность города к толерантности и терпимости, поэтому языковое суперразнообразие является ключевым ресурсом для разных аспектов жизни мегаполиса.

Часть III, «Настоящее», посвящена историям шести разных людей, языковых активистов, носителей исчезающих языков. Эти люди так или иначе связаны с Альянсом по защите исчезающих языков (ELA). Каждый очерк называется по имени главного героя.

Расмина — самая молодая носительница бесписьменного тибето-бирманского языка секе, распространенного в нескольких деревнях в Непале. Численность носителей секе — примерно 700 человек, из них больше сотни живут в одном здании в Бруклине (автор называет такие поселения «вертикальной деревней»). В очерке подробно описывается языковая ситуация в «вертикальной деревне 380», судьбы и языковые истории ее жителей, а также кропотливая работа по документации секе.

Хусния, носительница ваханского языка, переехавшая с Памира, каждый новый этап своей жизни начинает с нового языка. Наряду со своим родным ваханским в детстве она выучила шугнанский, рушанский, бартангский, в школе училась на таджикском, от соседей выучила киргизский. Русский язык был необходим, чтобы получить высшее образование и более престижную работу, а английский Хусния осваивала в Нью-Йорке. В очерке она рассказывает о своей драматичной судьбе, в которой отразилась история памирских народов на стыке веков, и своем непростом пути в Нью-Йорк. В ELA Хусния занимается записью и разбором фольклорных текстов на ваханском. Она составляет сборник сказок и колыбельных для детей, мечтая о том, что среди множества языков, унаследованных из родных мест, найдется место и для малых языков Памира.

Борис, писатель и журналист, рожденный после холокоста в Советской Молдове и живущий в постсоветском Бруклине, верит, что светская литература на идише позволит молодым носителям и дальше сохранять свой язык. Вообще говоря, ортодоксальная хасидская община в Бруклине является крупнейшим поселением носителей идиша, где идиш является основным языком. Это достигается за счет высокой степени закрытости традиционного религиозного сообщества, члены которого живут в своем замкнутом мире и общаются на идише больше, чем на английском. Из-за высокой рождаемости количество носителей даже растет, и около 99 % носителей идиша относятся именно к хасидам. В кругу же обычных ньюйоркцев херитажный идиш играет символическую роль и не является полноценным языком общения.

Ибрахима, языковой активист из Гвинеи, также полагается на письменное слово, продвигая письменность нко, разработанную в 1949 г. гвинейским ученым Сулейманом (Соломана) Канте. Эта письменность, специально созданная для группы языков манден (Выдрин 2011), объединит более 40 млн человек в Западной Африке, а также большие диаспоры носителей в Гарлеме и Бронксе.

Ирвин, носитель науатль, языка ацтеков и исторического лингва франка на территории современной Мексики, как и многие другие, заинтересовался языком своего детства уже много позже, после переезда в Нью-Йорк. Сотрудничая с ELLA, он считает язык важной частью самоидентификации, хочет передать его своему сыну и сделать что-то нужное для сохранения своего языка в мегаполисе.

Карен, исследователь и хранительница ленапе, языка, распространенного на территории нынешнего Нью-Йорка до прихода европейцев, пытается вернуть в мегаполис историческую память о нем. Хотя единственный престарелый носитель ленапе живет в Канаде, Карен со своими коллегами героически пытаются возродить ленапе, несмотря ни на какие трудности.

В Части IV, «Будущее», автор подводит итоги и описывает свое видение дальнейшей судьбы «современного Вавилона». Автор подчеркивает, что современное суперразнообразие возникло не благодаря какой-то продуманной языковой политике, а в результате случайного стечения исторических факторов. Официальной поддержки языков в мегаполисе практически нет: целенаправленные действия городских властей очень ограничены, и в основном все вопросы решаются усилиями самих иммигрантских сообществ. Нью-Йорк, возможно, достиг пика своего языкового разнообразия, но в дальнейшем оно может сократиться из-за ряда факторов: иммиграционной политики США, социального неравенства, жилищного кризиса, экономических проблем, языковой дискриминации, а также в результате естественной утраты малых языков во втором и третьем поколении в городской среде из-за их низкого престижа, отсутствия экономической и социальной «выгоды» от владения ими, давления доминирующих языков, занятости носителей и их отрыва от традиционного образа жизни.

В заключение автор пишет, что языковую жизнь большого города невозможно поймать. Однако естественный исторический эксперимент Нью-Йорка показывает, что долгое совместное проживание людей, говорящих на разных языках, не увеличивает, а уменьшает количество конфликтов и дает людям возможность принять разницу в культуре, религии и языках как норму. Возможно, даже несмотря на существующие вызовы, угрозы и конфликты, из всех городов мира Нью-Йорк максимально приблизился к тому, чтобы создать полноценную языковую инфраструктуру, где люди имеют возможность и право пользоваться своими родными языками.

Книга Росса Перлина не является чисто академическим трудом, хотя она содержит все необходимые элементы научного исследования и является

предлагает глубокое описание языкового суперразнообразия Нью-Йорка. Она выходит далеко за рамки наблюдений и экспериментов, как и сам автор не остается в роли наблюдателя, а становится активным участником языковой жизни Нью-Йорка со всеми ее вызовами, противоречиями, сложными и запутанными отношениями в языковых сообществах, языковыми активистами и обычными жителями «современного Вавилона», которые желают сохранить и передать следующим поколениям языки своих предков.

Финансирование

Исследование поддержано проектом FMNE-2025-0006 «Исследование языков мира и языковых ареалов: типологические, корпусные и полевые данные», выполняемом в Институте языкознания РАН.

Список литературы / References

- Выдрин В.Ф., Ровенчак А.А. Письменности языков манде. В кн. *Языки мира: языки манде*. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. (Vydrin, Valentin F. & Andriy A. Rovenchak. 2017. Pis'mennosti yazykov mande (Writing systems of Mande Languages). In *Yazyki mira: yazyki mande*. Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya). (In Russ.).
- Blommaert, Jan & Ben Rampton. 2015. *Language and Superdiversity*. Routledge. 31–58.
- Crystal, David. 2000. *Language Death*. Cambridge University Press.
- Rosenwaik, Ira. 1972. *Population History of New York City*. Syracuse University Press.
- Vertovec, Steven. 2007. Super-Diversity and Its Implications. *Ethnic and Racial Studies* 30. 1024–1054.

Review history:

Received: 16 March 2026

Accepted: 20 April 2026

Сведения об авторе:

Юлия Викторовна МАЗУРОВА — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН. Ее интересы включают ареальную лингвистику, лингвистическую типологию, типологию пространственных показателей, семантику, морфологию, полевую лингвистику, корпусную лингвистику, языки города, индоарийские языки и др.

e-mail: mazurova.julia@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4808-6749>

Bionote:

Julia V. MAZUROVA, Ph.D., is Senior Research Fellow of Department of Typology and Areal Linguistics, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. Her research interests include areal linguistics, linguistic typology, grammar of space, semantics, morphology, field linguistics, corpus linguistics, urban linguistics, Indo-Aryan languages among others.

e-mail: mazurova.julia@iling-ran.ru

<https://orcid.org/0009-0006-4808-6749>